

АМАНЖОЛ
ШАМКЕНОВ

ЛИРИКА

каз 2
ш 19

АМАНЖОЛ
ШАМКЕНОВ

ЛИРИКА

Стихи и поэмы

162252

Перевод с казахского
ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВА

162252
162252

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ» — АЛМА-АТА — 1967 г.
БИБЛИОТЕКА
им. Н. Островского

Каз 2
Ш 19

ПРОВЕРЕННО 1969

Поэт Аманжол Шамкенов является автором четырнадцати поэтических книг. В настоящий сборник входят, в основном, лирические стихи поэта, написанные за последние годы. Главная тема этих стихов — человек, его думы, идеалы. Человеческие чувства сливаются с природными явлениями. Поэт призывает к добру, красоте.

СТИХИ

ВЕРЮ В МОЮ ПАРТИЮ

Я — коммунист, сын казахов.
Степь породила меня.
Я мыслей аркан закинул
На шею грядущего дня.
Я вскорылен песней степной.
Широкие голоса
Всюду летят за мною,
В песне моей звения.
В мир иду без оглядки
И вдохновенно пою,
Потому что я верю в Партию,
В Партию мою.

Я — коммунист, устремленный
Только вперед, вперед.
Только пока в пути я —
Радость не умрет.
Кто успокоиться может
На том, чего достиг!..
Будущее не тревожит,—
Пусть поскорей придет!
Знаю — надежды сбудутся
В трудном степном краю,—
Потому что я верю в Партию,
В Партию мою.

Я — коммунист, проверенный
В испытаниях любых.
Мне ль на боку валиться,
Не думал о других,

*Не думая о народе,
О Родине моей!..
Люди, простые люди,—
Кем бы я был без них?!
Я не брошу, сражаясь
В нашем общем строю,
Потому что я верю в Партию,
В Партию мою.*

*Я — коммунист, это значит
Не только красный билет,
Это — могучая сила,
Равной которой нет!
Не ищите смысла двойного
В гордых моих словах.
Эту силу зовут Справедливость —
Единственный ответ.
С этой силой снова и снова
Мне дано побеждать в бою,
Потому что я верю в Партию,
В Партию мою.*

*Мне тревожные судьбы дороги
Человечества всего,
Я борюсь за жизнь человека,
Я борюсь за честь его.
Я борюсь и буду бороться
За достоинство людей,—
В этом закон железный
Сердца моего.
Я до последнего вздоха
Всего себя отдаю,
Потому что я верю в Партию,
В Партию мою!*

МОЯ ШКОЛА

Напрягаю сознанье мое —
Проникаю в людское житье.
Ведь любой человек — словно повесть,
В каждом сердце читаю ее.

Кто-нибудь средь широкого дня
Поглядит с теплотой на меня —
И, как лист, потянувшийся к солнцу,
Пью сиянье живого огня!..

Я читаю людские следы,—
Неуверены или тверды,
Все они для души моей стали
Школой счастья и школой беды.

ЕСТЬ ВОЛЯ К ЖИЗНИ

Не умеряй, поэт, свои шаги,
Ты сердце певчее не береги,
А свой талант взрасти в степи широкой,
Как скакуна для праздничной байги.
Вся жизнь — байга,

и ты участвуй в ней.

Коль доведется обогнать друзей,—
Не обижай их.

Но кому охота

Быть неудачником в глазах людей!..
То добывай, чем не владеешь ты,
Стремись по следу мчащейся мечты,
Тропой извилистой взбирайся в гору...
Но если вдруг сорвешься с высоты —
Блюди свое достоинство,

храни

Живую веру в будущие дни.
Ползи вперед, когда идти не сможешь,
И страх коварный от себя гони!
Есть воля к жизни.

Чтоб в песок она

Не уходила —

помни: жизнь — одна!

За дело жизни бейся так упрямо,
Чтоб даже смерть была изумлена!

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Если радость большая
Посетила меня в добрый час,—
Этот праздник встречая,
Не могу обойтись без вас,
Дорогие друзья!

Если б стих,
что родился,
Не был прочтен никому,—
Куда б он годился!..
Вы — опора и мне и ему,
Дорогие друзья!

Если сдуру да спьяну
Или в здравом рассудке, увы,
Я бахвалиться стану,—
Кто одернет меня, как не вы,
Дорогие друзья!

Коль случается горе,
И не вижу я белого дня,—
Вы приходите вскоре
Поддержать и утешить меня,
Дорогие друзья.

Если я от событий
Поотстану в далеком краю,—
Вы мне все объясните,
Одолею отсталость мою,
Дорогие друзья.

Если вдруг клеветою
Будет тронuto имя мое,—
Вы улыбкой простою
Убьете на месте ее,
Дорогие друзья!

Как ценю вас и чту я —
Даже сказать не могу!..
Вам любовью плачу я,
Но всегда я пред вами в долгу,
Дорогие друзья!

ПРОЗРАЧНОСТЬ

Есть слово «прозрачность»,
хорошее слово.

Его вспоминаем,
когда без покрова
Виднеется сущность природы самой,
Кругом расцветающей снова и снова.

Алмазы, добытые в недрах земли,
Что пламя в зрачках на мгновенье зажгли,
Лежат на ладони, чудесно играя,
Чтоб мы волшеством любоваться могли.

А в чахлой пустыне родник лучезарный
Смеется так звонко над смертью коварной!..
Напившийся путник, и крепок и свеж,
На воду с улыбкой глядит благодарной.

Прозрачность — повсюду, прозрачность — во всем.
Она в небосклоне и в сердце твоем.
Ты помнишь —
прозрачные очи глядели,
Светили тебе благодатным огнем?

Себя ты не мучай томленьем напрасным.
Пусть жизнь отдохнуть ни минуты не даст нам,—
Свою слепоту, словно полог, откинь.
И небо души станет утренне ясным!

Я ГОВОРЮ ЕЙ «ДА»

Плывет на Алатау, на Талгар
За тучей туча, как за наром нар*
Усталого большого каравана,
Везущего на ярмарку товар.
Заволокло белеющую высь,—
Косматые гиганты улеглись
На суггированные пышные постели,
Но кажется — не спят они, вглядись!

Какое-то движенье, смутный рев!..
Клинки огня процают мглы покров...
И вдруг пространство заполняет грохот
Падучих небосводов и миров!

История с природой иногда
Бывает схожа...
Ладно, не беда —
Ведь если правда времени и века
Слышна в грозе,—
я говорю ей «Да!»

* Нар — одногорбый верблюд.

ДЕНЬ ЛЕТЯЩИЙ

Каждый день интересней
Предыдущего дня,
Новым знаньем и песней
Осеняя меня.
Надувает мой парус
Ветер каждого дня,
И угрюмая старость
Не догонит меня!

ДО КРАЕВ МОЕ СЕРДЦЕ ПОЛНО

Ты улыбкой апрельской своей
Растопить мою душу смогла.
Улыбайся еще, не робей,
Подари мне побольше тепла!

Ты, как солнце, молчишь и глядишь,
Излучая живительный свет.
И полна эта чуткая тиши
Удивительно добрых примет.

Пусть умолкнет играющий смех,
Убегающий звонким ручьем,—
Не заменит он радостей тех,
Что читаю во взоре твоем!

Я улыбкой твоей дорожу
Больше слов, хоть они хороши.
Я в руках свое счастье держу,
Я вберу его в недра души.

До краев мое сердце полно,
Хоть не слышу о счастье твоем,—
Ведь улыбкой своей все равно
Ты сейчас мне сказала о нем!

О, ЭТОТ ПРАЗДНИК ЛЕТНИЙ!

Люблю я пенье дивней,
Веселый гул стихий.
С такою силой дивной
Писать бы мне стихи!
Люблю обнявший сушу
Прилив небесных вод.—
Он очищает душу,
Как синий небосвод.
Когда напьется почва,
Все словно бы видней...
Свожу я думы, точно
В табун — степных коней.
О, этот праздник летний!—
Он был уже знаком,
Когда я, семилетний,
Носился босиком!..
Я градины ладошкой
Ловил:
«Давай! Давай!»
Эх, если б на немножко
Попасть в тот дальний край!
Люблю громов движенье
И молнии броски,
Прохлады дуновенье
На жгучие пески...
Природа охлаждает
И лоб горячий мой,—
Он, как земля,
рождает
И цвет и плод живой.

ДАВАЙ НАРВЕМ СМОРОДИНЫ

Не все тропинки пройдены...
Манит лесной простор.
«Давай нарвем смородины!»—
Сказали мы — и в бор!..

Мы за его подарками
В ту пору каждый день
Шли под лучами жаркими
В спасительную тень.

Под кровлями зелеными
Среди прохладной мглы
Узорными колоннами
Казались нам стволы.

Мы
пеньем, смехом, криками
Смутив зверье и птах,
С тяжелыми асыками*
Домой брели впотьмах.

* * *

Но стала взросłość полюсом
Ребячье той поры.
Асыков нет за поясом,
И разрослись боры.

* Асыки — бараньи бабки для игры.

Но не пройду же мимо я,
Хоть мы теперь одвоем:
«Давай, моя любимая,
Смородины наарвем!»

Была такой сладостью
Смородина полна,
Что мы по чаще с радостью
Блуждали дотемна.

Уйди в боры зеленые
От города вдали,
Природой упоенные,
Мы словно расцвели.

* * *

Года неспешно катятся
Неведомо куда.
Сердца для жизни тратятся,
Для счастья и труда.

Все так же к солнцу тянутся
Зеленые листы.
Без ягод не останутся
Знакомые кусты.

Не все тропинки пройдены...
Но уж на этот раз
«Давай, наарвем смородины!»—
Дочурка кличет нас.

Хоть солнышко над теменем,
Нарушим-ка режим:
Сквозь чашу мы за временем
Вдогонку побежим!

НО ВСЕЙ ДУШОЙ К ТЕБЕ ЛЕЧУ

Люблю дыханье Иртыша,
И рябь на водном лоне,
И отраженье камыша
В задумчивом затоне.

Быть отраженьем не хочу,—
Пою я без посредства;
Но всей душой к тебе лечу,
Как в край далекий детства!

ДУМА ОБ ОТЦЕ

Родителю, создавшему семью,
Кто бы не отдал теплоту свою?
Отца заветы да исполним свято!
Вот почему сейчас о нем пою.

Ведь он, отец,— загадка и мечта.
Которою всецело занята
Душа ребенка
в день, когда впервые
Окинут властно даль и высота.

Ведь он тебя,
и справедлив и строг,
Сам выведет однажды на порог
Родного дома и тебе покажет
Непроторенных тысячу дорог.

Отец наставит, если ты неправ,
Он от ребячьих поведет забав
Навстречу жизни сквозь туман и вьюгу,
В тебе джигита мудро воспитав.

Он обогреет, отведет беду,
Он приюпит к честному труду,
Чтоб ты всегда перед своим народом
Мог жить и на свету и на виду.

При блеске молний, в грохоте громов,
Он был в рядах героев и борцов.

А мы живем под небом безмятежным,
Обязанные подвигу отцов.

Нам дан природой совести родник,
Чтоб сердцем каждый к чистоте приник.
Отцы и дети, пропасть между ними,—
Скажи, откуда этот бред возник?!

Совет отца — основа всех основ,
Ведь в нем душа заветных дум и слов.
Совет отца был искони, от века
Звездою путеводной для сынов.

С ним к будущему смело прикоснись
И одолей заоблачную высь,
Взойди на непочатую вершину,
Куда отцы еще не поднялись.

Свой ум и волю ты сосредоточь,—
В себе черты отцовские упрочь,
К труду Отчизны, к времени народа
Свой труд и время твердо приурочь.

Делам отца, его заветам
веры!
Он распахнул к достойной жизни дверь.
И ты обязан так служить народу,
Как он служил.
Как служит и теперь!

ТЫ КАЖДЫЙ ДЕНЬ СВОЕ ТЕПЛО МНЕ ДАРИШЬ

Мне вспомнился тот самый день и час,
Когда стоял я, не спуская глаз
С тебя, Иртыш, с твоей волны тревожной,
Зовущей вдаль...

А запад все не гас,
Мечта летела за тобой куда-то
В огнисто-алых отблесках заката.

Еще не знал я в те годы, куда
Помчатся думы, как твоя вода,
Река моя, Иртыш мой величавый.
Сроднился я с тобою навсегда,—
Ведь вместе пережили мы так много,
Ведь русло дальнее — моя дорога!..

Тогда еще не знал я, мой Иртыш,
Что ты с любовью братскою спешишь
К своей Оби, реке великой русской...
Я это смог понять позднее лишь.
Встречаются далече ваши руки...
О, как я мог с Россией быть в разлуке!

Но я постит — душою полетел
Навстречу ей,
нарушив свой предел.
Как две реки, слились мы на просторе
Глубоких дум и величайших дел.
Ты каждый день свое тепло мне даришь,
Моя Россия,
старший мой товарищ!

Моя надежда и моя любовь!
Силен твою силой, вновь и вновь,
К тебе стремлюсь я Иртышом звенящим,
К тебе стремлюсь, как мчится к сердцу кровь.
Твоим теплом я полон благодатным,
Перед тобой в долгу я неоплатном!

ОЗЕРА КУРГАЛЬДЖИНО

Горбы холмов желтеют впереди...
А возле них у степи на груди
Раскинулись озера Кургальджино.
К ним поскорее, путник, подойди,
В их зеркала живые погляди!

Залива ширь изогнута в дугу,
В ней лебеди, белес гор в снегу;
И девушка
расчесывает косы,
На травянистом сидя берегу.

Эй, опусти, джигит, свое ружье!
Не нарушай лебяжье ты житье.
Она — Баян, а ты — Козы, быть может...
Не трогай птиц —
не то спутнешь ее.
Не в ней ли счастье вечное твоое!..

Она тебя увидела иль нет?..
Не ветерок ли принесет ответ...
Как хороши озера Кургальджино!
В них и мечта,
и красота,
и свет,—
В них отраженье наших юных лет!

СОСНОВЫЙ БОР

Корабельный раскидистый бор,
Красотой напоил ты мой взор
И смолистую сень надо мною
Так целебно, так вольно простер!

Мой могучий, былинный мой бор,
Чудо-сосны в тебе наподбор,
Расчесало колючие косы
Ледяное дыхание гор.

Красноствольный, зеленый мой бор,
Предо мной — неоглядный простор,
Но к тебе прикипел я душою
Навсегда с незапамятных пор!

ОГОНЕК ЛЕСНИЧЕГО

Все лес да лес!..

А ночь темним-темна.

Не видно звезд и спряталась луна.
Порою сосны на ветру застонут,
Затомоняют — и снова тишина...

Наверно, сбились мы давно с пути.
Левей... Правей... Дороги не найти!..
Давно плутаем, кружим как попало,
Все споря меж собой — куда идти.

Один отстал, другой твердит в сердцах,
Что не желает в гибких жить местах.
Как долг путь!..

Как истомила жажда!..
И кое-кем овладевает страх.

Он ослабляет волю, как недут.
Земля тайгою, что ли, стала вдруг,
И, бесконечно путь свой повторяя,
Мы в заколдованный попали круг,

И неудача нас подстерегла,
Напала, словно враг из-за угла...
В ступнях свинец, отяжелели вски,
Как будто смерть вплотную подползла!..

И вдруг, о чудо, в самый трудный миг
Восторженный раздался чей-то крик,—

Блеснул во мраке огонек желанный,
И сердцем каждый суть его постиг.

Немало в жизни трудных есть дорог.
Настанет срок — и будет путь далек.
Не непременно в гущине таежной
Пред каждым свой забрезжит огонек!

НАВЕРНО, САМ Я ВИНОВАТ

С самим собой наедине
Я думаю о прежних днях,
О только что минувшем дне,
И о себе,
и о друзьях.

Судить себя трудней всего.
Пускай я не был подлецом,—
Но не обидел ли кого
Случайно кинутым словцом?

По-своему толкует всяк
Веселья твоего порыв,
Один — шутник и весельчак,
Другой угрюм и молчалив.

Конечно, каждый друг не плох!..
Но все-таки как хороши
Те, кто не ищут в нас подвох
И шутят с нами от души!

Ведь в поисках ТОГО словца
Ты, как песчинки,
все слова
Перебираешь без конца...
Ну просто кругом голова!

Нет, не сказал я ничего
Такого, чтоб задеть его!..
Не понимаю — отчего
Лицо скривилось у него...

Румянец гнева иль стыда
Пылает на его щеках?
Что приключилось?

В чем беда?!

Ведь речь-то шла о пустяках!..

С самим собой наедине
Оставшись нынче на часок,
Без мысли о чужой вине
Просеиваю слов песок.

Наверно сам я виноват.
Бывает — шутка подведет...
Но ты же дорог мне, как брат!
Конечно, всей пойдет на лад,—
Найду я и к тебе подход!..

ПУСТЬ ДЕТСКИЙ СМЕХ НЕ УМОЛКАЕТ

Материнской грудью вскормлены сыны,
Белый, черный, желтый — все они равны.
Им благословенье подарила мать
На дорогу мира — не на путь войны.

Матери так дорог —
он любовью дан —
Каждый белый, черный, желтый мальчуган!..
Эй, расист надменный,
выдумка твоя
Нанесет мальчионке худшую из ран!

Никогда ребенок не рождается злым,
С волосатым сердцем, черным и гнилым,
С дикими глазами, видящими мир
Сквозь туман кровавый,
сквозь огонь и дым.

Он еще не знает у истока лет,
Маленьким и слабым народясь на свет,
Грозных тайн вселенной, что встают вокруг,
Становясь причиной высших благ и бед.

Он еще не может,
научась ходить,
За игрой протонов пристально следить,
Но его однажды звезды позовут,
И обнимет небо, помогая жить.

Разве он захочет верить палачам,
Чтобы дни погасли, уступив ночам?!

Всей душой, всем телом к жизни устремлен,
Он ручонки тянет к солнечным лучам.

Малыши проходят мимо нас с тобой,
Пробегают мимо шумною гурьбой...
Мы за них в ответе,

мы — пример для них,
Мы вершим сегодня всею их судьбой.

Ведь беспрекословно выбегут они
На любую тропку —

только помани!..

Как звенит, как льется свежий детский смех,
Музыкой наполнив мирной жизни дни!

Музыкою этой

после всех тревог
Да звучит вовеки утро их дорог!
Да умоет солнце хмурый шар земной,
Чтоб никто их смеху помешать не мог!

ТУЧА

Затмила туча мирный небосвод
В ужасный тот и незабвенный год,
Когда, мужанясь, провожали в бой
Своих сынов Отчизна и Народ.

Свирепый ветер тучу гнал сюда,
В наш мирный край.

Пылали города,
И в небо дым освенцимов вплзкал,
И черным сделалось оно тогда...

Нам удалось очистить небосклон.
Враг ослабел, потом шатнулся он,—
И с ходу исполинской метлой
Восточный ветер вымел тучу вон!

Теперь мы только доброй тучи ждем,
Набухшей освежающим дождем,
Дарящей влагу нивам и лугам,
Цветы и хлеб несущей в каждый дом.

БУДЬ НАЧЕКУ

Есть хищники — еще живуч их род,
Плодится он пока из года в год.
Не верь тому, кто молвит благодушно:
«Не тронешь зверя, так не нападет!..»
Нет, эти хищники подстерегут,
Чуть зазеваешься —

за горло вмиг рванут.

Ружьишком добрым запасись-ка лучше,—
Одни слова к добру не приведут!

Есть хищники —

пред ними тигр и лев

Овечки мирные.

Храни свой гнев,

Покуда кровопийцы, там, в берлогах
Скрываются, от бури уцелев.

И даже благоденствуют пока!..

Мир обезлюdzić, выжечь на века
Хотят они.

Нам усмирить их надо,
Ведь сумасшедший хуже дурака!
Хотя вот-вот исполнится мечта,
Хоть счастье наше — как бокал у рта,
Про них забыть мы не имеем права —
Ведь злоба их еще не заперта!

Не чурался ты упорного труда
 И сомнений одолевал всегда,
 Коль с умом, с талантом зодио
 Вера добрая в тебе была тверда.

Наша вера — не священный ли порог?..
 И уж если преступить его ты смог,—
 Верь другим, не одному себе,
 В этой вере — человечности залог!

Если с верой выбран правильно твой путь,—
 Не должна она тебя к земле пригнуть,
 И друг другу слишком верим мы,
 Чтоб сломать нас удалось кому-нибудь.

А любовь коль от безверья не чиста,—
 Сердцем к ней не подступиться — так пуста.
 Если верой обойдет она тебя —
 Закричит душа от боли неспроста!

Но надолго ты в обидах не коснел,—
 Поважней на свете было много дел.
 Ведь другим не верит только тот,
 Кто в себя пред тем поверить не сумел.

Что сравнится с этой светлой силой в нас!..
 Факел чести никогда еще не гас.
 Человеку только лишь поверь,—
 И к хорошему рванется он сейчас!

ГОРОД ЛЮБВИ

О, как апрельскою порой чудесен город мой!
С просторных улиц уходить не хочется домой.
Как будто утреней душой проснулся человек
И расцветает заодно с природою самой!..

В тени аллей полной людей.

Пришел сюда и я.

Воркует каждый тополек и каждая скамья!..
Влюбленным парочкам приют — весь неоглядный сад,
Они неутолимо пьют отраду бытия.

Я подошел к Амангельды,— а там по сторонам
Я только глянул невзначай —

и замечтался сам:

Обнявшись, юные сидят, не слышат, не глядят,—
Они доверились сердцам и предались мечтам.

И смотрит с вышины Абай на правнуков своих,—
Мне кажется, он в этот час благословляет их.
Шумят листвой карагачи, шумит у ног певца
Весенний город — колыбель всех чаяний людских.

Пьянящий ветер с синих гор переполняет грудь,
Любовь наполнила простор, велит собой вздохнуть.
Повсюду в городе моем влюбленных вижу я,
Что, нежно за руки держась, бредут куда-нибудь.

Весь этот город молодой похож на райский сад.
Кто в нем побывать и в нем пожить не счастлив и не рад!..
Как звонок в переулках всех девичий свежий смех,
И, откликаясь без конца, звенит ручья каскад!..

На юность светлую твоя похожа красота.
Прекрасна молодежь твоя, как ты, Алма-Ата!
О, сколько свадеб спровоцируем мы, когда придет пора!..
В том жизни яркая черта, и это неспроста.

Цвети же, мой Алма-Ата, и ширь и ввысь расти!
О, скольких юных захотел попарно ты свести!..
Они сюда явились врозь, не ведая судьбы,
А удаляются вдвоем — им стало по пути.

Их провожая, город мой, любовь благослови!
А им не позабыть тебя — ведь ты у них в крови.
О, яблоня солнечный отец,
Себя и городом любви по праву ты зови!

родной Алма-Ата,

ПОЙМИ

Упрекаешь меня за молчанье порой...

Что поделать,—

природа сама

Одарила меня, как защитной корой,

Этим свойством души и ума!..

«Почему он молчит?

Может быть, разлюбил?!

Как проникнуть мне в думы его?..»

И нелепый укор неподвижно застыл

В выраженье лица твоего.

Да пойми ты:

молчанье мое не беда,

Вся тревога твоя ни к чему.

Просто-напросто хочется мне иногда

Помолчать, посидеть одному...

Ведь в такие минуты в душе моей — сад.

Птицы-песни на ветках сидят.

Стоит слово сказать —

замолчат, улетят...

И уже не вернутся назад.

ОТВЕТ ОДНОГО РЕДАКТОРА

— Стихотворенье про любовь? —
Редактор поперхнулся.
И вдумчиво приподнял бровь:
— Да ты никак рехнулся!
Давай что хочешь, дорогой,
А это — не годится.
Нам нужен матерьял другой,
Пора бы убедиться!
Пожалуйста, не спорь со мной,
Все совершенно ясно:
О жатве и о посевной
Пиши свежо и страстино.
О лодырях — мечи да рви,
О стройке — дай заранс.
А что касается любви —
Она у нас не в плане!

ХОРОША ТВОЯ ПЕСНЯ

Захотел я схватить бегущую нить
И вплести ее в ткань стиха.
Удалось мне три цвета соединить,
И находка была неплоха!..

Но как раз...

как раз ты запела, мой друг,
На айтис* как будто придя.
Звуки песни вдруг заплясали вокруг,
Словно яркие капли дождя.

Хороша твоя песня, ох, как хороша!
В том не надо меня убеждать.
Но нельзя ли...

нельзя ли, моя душа,
Хоть немножечко подождать?

* Состязание акынов.

ТАМ, ГДЕ РОДИЛСЯ АБАЙ

Вот места, где родился наш Абай,
А его колыбелью был ковыль..
Посетил я сегодня этот край,
Погрузился душой в живую быль.

Вместе с сопками я дремал,
И Балхаша прохладой дыша,
С трепетной радостью внимал
Шороху стройному камыша.

Каждую тайну желал я знать,
Здесь ведь такой народился стих,
Что и враги его не признасть
Не могли, хотя бичевал он их!..

И услыхал я звучанье строф,
Бьющих, как волны, вновь и вновь,
И повторять их был готов
Без конца, как вселит моя любовь.

Нужен всем, как вода и хлеб,
Стих, без которого — пропадешь.
Да, касаясь великих судеб,
Чувствуем мы священную дрожь!

Здесь он бродил, мудрый певец,
Часто разут и полунааг,
Но жарчайшее из сердец
Людям дарил его каждый шаг.

Так нам не дорог ни один
Край, породивший бессмертный стих.

Где тут стоял великий акын,
Слушая эхо песен своих?..

Стройно шумит камыш Балхаша
И воскрешает забытый след.
Где здесь витает Абая душа,
Горький свидетель народных бед?

Ах, если дом этот заговорит,
Сможет поведать многое он!..
Беркута, что так высоко парит,
Видно, охотник послал в небосклон!..

С какой вершины голодный Абай
Не спускал восторженных глаз?..
Дремлет задумчиво Жидебай,
Тайну свою скрывая от нас.

МЕЧТА О БУДУЩЕМ

Проходим в мире поколениями
С лицом измечивей воды,
Но драгоценными каменьями
Сверкают радости следы.

По тем следам само грядущее
Шагнет с улыбкою вперед,
А все боливое и гнетущее
Бесследно в прошлое сойдет.

Столбы исчезнут пограничные
И, на угар вчерашний злы,
Уйдут в дела сугубо личные
Освобожденные послы.

От выльных бурь свое спасение
Земля отпразднует сподна
И в облачение весеннисе
Вся разоденется она.

Сокровищницы беспримерные
Земля откроет до конца,
И к солнцу разума, навернос,
Навстречу полетят сердца.

Планету, столь благословенную,
Так обновит наш караван,
Что канет зло во тьму забвеннюю,
Добро раскинет дастархан.

А тучам страха и мучения
Не быть, когда взойдет в зенит
И всех людей без исключения
Лишь Справедливость осенит.

Весны победной и ликующей
Заблещет вечная краса
И ветер счастья, вольно дующий,
Наполнит наши паруса!

СОЛНЦЕ ПОДЗЕМНОЕ

Взял шахтерскую лампочку,
вместе с другими

Опустился в шахту вчера.
А сегодня словами живыми, тугими
Мне поведать об этом пора.

Все, что видел, запомнил я, словно уроки,
Нет, не школы, а жизни самой.
И порукою в том эти точные строки,
Весь рассказ непридуманный мой.

Опустился и вниз, как в глубокое море,
Как в объятия пропasti злой.
Но горячее солнце увидел я вскоре,
Восходящее там, под землей.

Ну, конечно же, солнце!

Огни в подземелье

Ярче самых лучистых светил.
Я могучих людей огневое веселье
Всей душою своей ощутил.

Может, кто-то упрямо перечить мне станет:
Мол, признайся — сбрешила ты как раз!..
Пусть он спустится в шахту и с ходу заглянет
В глубь шахтерских сияющих глаз!

Пусть ребята слегка смугловаты,—

так что же!..

Въелся в кожу родной уголек.

Но шахтерское сердце
на пламя похоже,
Свет его и горяч и далек.

Низко черное небо проложенной лавы,
Но зовет непочатый забой,
А почетней шахтерской
не съешь ты славы,
Светел подвиг, совершенный тобой!

Полон сказочной силы
комбайн многотонный,
С ним дела у людей хороши:
Режут уголь, как хлеб!
А мотив монотонный
Не смолкает в подземной тиши...

Врезан пласт
и поставлена разом подпора,
И подземная улица — вот!..
Как завидна особая хватка шахтера,—
Счастье он на-гора выдает!

В пласт вгрызается он,
и страна богатеет,
Этот путь под землей —
новый путь.

Пусть попробует,
пусть помешать нам посмеет,
Как бывало уже,
кто-нибудь!

Поглядел я на труд, что достался шахтеру
И постигнул я —
кто он такой!

Древко стяга его, нашей тверди подпору,
Поддержу я свою рукой.

Взял шахтерскую лампочку,
вместе с другими
Опустился в шахту вчера.
А сегодня словами живыми, тутими,
Мне поведать об этом пора!..

БУРЯ

Я шагаю по штреку в подземных глубинах.
Отчего же так холодно стало вокруг?
Мы ведь не наверху, где в бескрайних равнинах
Собирается мгла ураганов и выног!..

Так откуда здесь дерзкая буря Сибири?!
Запевает она, как под небом степным,
В неоглядной и вольной заснеженной шире...
Мы ведь в шахте,
 иду я по недрам земным.

Но, как в детстве, хмелею от радостиshalой
Дикий ветер, еще беспощаднее будь,—
И тебе, ощущая восторг небывалый,
Обнажу я навстречу шахтерскую грудь!

КАРАВАН

Наш караван

сквозь ветровые дали

Проходит в непечатные годы.

Не отставай,

мы вместе строй держали,

Чтоб заодно идти вперед всегда!

Товарищ мой!

Средь бедствий неминуемых

Счастливый жребий нам с тобою дай:

Дары сердец, дары умов могучих

Сквозь времена везет наш караван.

В том караване песнь звучит без края,

И светлых душ

не счастье в его рядах.

Высокое богатство собирая,

Мы позабыли, что такое страх.

Но в новый путь пускаясь новой ранью,

Товарищ мой,

проверить надо нам —

По-прежнему ли думы и желанья

Служить готовы новым временам.

И если вдруг в душе моей заметишь

Губительное темное пятно,

Ты за меня пред совестью ответишь,

Я — за тебя, уж так заведено!

А тот из нас,

кто б захотел однажды

Не думать и не печься о других —

Пускай погибнет от палищей жажды

В чужих степях, унылых и нагих!

ПОГОНЯ

О думы, думы!

Вспугнутыми ланями

Который раз вы мчитесь предо мной!..

За грациозно хрупкими созданьями

Мне не у gnаться в гущине лесной.

Но каждый раз,

взволнованный, встревоженный,

Я вскидываюсь и бегу вдогон.

Мне хоть одну бы увидать стреноженной,

Мне хоть одну бы заманить в загон!

Ее догонишь, а другая — около,

И бросишь эту и бежишь за той,

И обе вдруг уйдут быстрее сокола,

Уйдут с непостижимой быстротой!..

О, счастье думать!

На любовь похоже ты!..

Ты — упование и страсть моя.

А час какой-то, без погони прожитый,

Уже и жизнью не считаю я!

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

Старый тополь у тропы горбатой...
Просто тополь... Но в него вглядись:
Дунул ветер — и, сопротивляясь,
Веточки тут же напряглись.
А когда забушевала бура,
старикан не уступил ей,
то склоняясь гибко и упруго,
то макушку вскидывая ввысь.

Он напомнил мне одновременно
этим поведением своим
Двух знакомцев.
Одного, который
был гордыней странной одержим,
И второго, скромного, простого,
даже незаметного почти,
Но пленявшего душевной силой
всякого, кто сталкивался с ним.

Вот опять торчит макушка в небе
и на землю смотрит свысока.
Ничего не может быть ислепей гордости такого чудака.
Вот пригнулся тополь величавый,—
хороша повадка старика!—

Он — борец,
и подлинною славой жизнь его добра и высока!

Я СКУЧАЛ ПО ТЕБЕ, ИРТЫШ

Налетает сразгону
волна на волну.

Кто-то гонит их перед собой,
И опять,
ненадолго смутив тишину,
Примолкает гривастый прибой.

И опять он бушует у серых камней...
Неспокойна большая река.
Мчатся волны
толпой белогривых коней
По горбатым намываем песка.

Снова вспомнил я
розвое детство свое,
Ветровые деньки озорства,
И щемит и волнуется сердце мое,
Наполняя волненьем слова.

Вспомнил я,
как хотелось тугую волну
Мне за гриву схватить на бегу,
Оседлать
и вдогонку всему табуну
Поскакать на лихую байгу!..

Сколько пройдено рек!..
Но таков человек:
Не могу я забыть Иртыша,—

Прикипело к нему мое сердце навек!..
Но уймись, не тревожься, душа!

Пусть забыть о себе никогда не дают
Те далекие милые дни,
Ведь в тебе эти волны шумят и поют,
И становятся песней они.

*

МОЙ КЛАД БЕСЦЕННЫЙ

Богат мой день и радостна душа,
Ведь знаю, что, приход мой сторожа,
Айгуль, дочурка, бросится навстречу,
Меня обнять и приласкать спеша.

Держу ее блаженно на руках,
И детский смех звенит во всех углах,
Как будто солнце в комнату вкатилось,
И греюсь я в его живых лучах!..

Особенным становится и дом,
И все, что нынче делается в нем.
За новой жизнью чутко наблюдаю,
За каждым крохотным ее шажком.

И гамма звуков, реющих вокруг,
Мой жадный слух переполняет вдруг,
Как будто к музыке, звучавшей в доме,
Прибавился скрипичный чистый звук!..

Моя Айгуль, ручонками маши,
Почаще смеяся и меня смеши!
Мой клад бесценный —
этот смех, звенящий
На лучшем празднике моей души!

Я НЕ НАСЛУШАЮСЬ ЕГО

Как много в мире голосов!
Как мелодичен шум лесов
И звонкий переплеск ручьев,
И лай надсадный гончих псов,
И беспокойный птичий хор,
И ветер, пристевший с гор!..

Вся музыка весенних дней
Невыразимо хороша.
Но нет мелодии нежней,
Чем первый лепет малыша!

Я не наслушаюсь его,
Когда звучит он день-деньской
Под кровлей дома моего,
Даря мне радость и покой!

НАШЕ СОЛНЫШКО

Всего лишь день, как ты больна,
Но в доме почему-то
Настала сразу тишина
И больше нет уюта.

Волнуются и сын и дочь,
Гнетет меня тревога,
И будто не отходит ночь
От нашего порога.

Хозяйничаем всей семьей,
Управимся, коль надо.
Но целый день я сам не свой
От полного разлада...

Опять иду к тебе с детьми,
Спокойствия не зная,
Хоть голову ты подними,
Хорошая, родная!..

Прошу я, улыбнись хоть раз,
Развеселись немного,
Взгляни, как солнышко, на нас,—
И ночь уйдет с порога!

БУДЬ ТАКОЙ

Если хочешь ты нравиться мне,
Не подкрашивай тонкие брови.
Щеки лучше без пудры вдвое,
В них румянец играющей крови.

Не к лицу моей милой жене
Мазать яркой помадою губы,
Обойдутся без краски вполне,
За нее ли они мне так любы!..

Ни тюльпану, ни гордой сосне
Не сродни эта жалкая мода.
Если хочешь понравиться мне,
Будь такой, как диктует природа!

АЛЬБОМ

«Вот сундучок мой заветный!..—

как-то сказала ты мне,—

Прошлого милые тайны скрыты в его глубине.

Только в году это было даже не помню в каком!..»—

И предо мной положила старый-престарый альбом.

И, как по саду, который солнцем налит до краев,

Я по страницам альбома шел под журчанье ручьев,

Под неумолчное пенье звонких причудливых птиц..

Встречи, разлуки, ученье глянули с ветхих страниц.

Глянули юные лица наших студенческих лет...

Прошелестела страница — и ничего уже нет!..

Выпала лента-закладка, я поднимаю ее...

Как незнакомо, как сладко бъешься ты, сердце мое!

ДВА РОДНИКА

Два родника бегут с горы высокой,
Разлучены, как мы с тобою, друг,
Покуда где-нибудь в степи далекой
В реке глубокой не сольются вдруг.

Вот так же встретимся и мы с тобою,
И наша успоконится тоска,
Сольются,
сведены самой судьбою,
Два родника!

САМОЕ ЗАВЕТНОЕ

Ну какая же сладость,
 коль девушку ты
По ее поцелуешь приказу,
И какая в том радость,
 коль сердца цветы
Для двоих не распустятся сразу!..

Много ль толку в словах,
 восхваляющих честь,
Если чести не ведал ты сроду?..
Для чего жить на свете,
 коль пользу принесть
Не способен родному народу!

ТРАМВАЙ НОМЕР ДВА

За городом жила сперва
Любимая моя.
Лишь на трамвае номер два
К ней мог доехать я.

И словно я бегу опять
За радостью вдогон,
И мне бы только увидать,
Что ты вошла в вагон!..

Я перед ним навек в долгу,
Признательность жива.—
Не прокатиться не могу
В трамвае номер два!

ЛУННАЯ НОЧЬ

Луна заглядывает в окно,
В него влезает она...
В темной комнате не темно —
Нас посетила луна.

Головы дочери и жены —
Рядышком в дымке сна —
Стали похожи на две луны,
А около —
луна.

В свете луны над ними стою,
Дума звучит одна:
«Как-то примут мою семью
Грядущие времена?..»

ТВОЯ ЗАДАЧА

Отчего он задумался и загрустил?
Может, в жизни неправильный шаг допустил,
Может быть, о любимой мечтает сейчас,
Может, просто работу свою запустил...

Может быть, он ухватывает в этот миг
То, что ловится в омутах дум, а не книг.
Но заветная истина рвется из рук,
И мыслитель ее не настиг, не постиг...

Почему так звенит его радостный смех?
Как достигнут им полный, счастливый успех?
Может, подвиг такой совершил он сумел,
Что теперь на устах его имя у всех!..

Чем он дышит, и чем его сердце полно?
Видно, думать и чувствовать с ним заодно
На какое-то время ты должен, поэт,
А иначе изведать его — не дано.

Все, что знаешь о нем —
воедино свяжи,
Все поступки его наперед предскажи.
Коль ты впрямь «инженер человеческих душ» —
Дома этой души
позведи этажи!

ТАЙНА ДЕВУШКИ

Ну, конечно, ты парень что надо.
Но ведь ты опоздал.

Опоздал!..

Я словам твоим вовсе не рада,—
Их недавно другой мне сказал.
Я признанья его сохранила,
В самом сердце я их сберегла,
Тайну эту тебе не открыла,
Но надежды пустой не дала.
Для чего тебе тайна чужая?
Знай не знай —

а она не твоя.

И сейчас я, тебя уважая,
Говорю, что мы только друзья.
Может, хочешь ты, жарко пылая,
И меня в свое пламя увлечь?
Но ведь клятву другому дала я,
Мне легко свое сердце сберечь!..
Нет, признаньям твоим я не рада,
И скажу я, другого любя:
Ну, конечно, ты парень что надо,
Но ведь он еще лучше тебя!

РУЧЕЙ

Под окошком слышу я
Пенье звонкое ручья.
Мне напомнила твой голос
Мелодичная струя.
Под окошком вижу я
Блеск бегущего ручья.
Мне твой взгляд напоминает
Искрометная струя.
Вьется, глубину тая,
Русло быстрого ручья...
Глубина его —
 как тайна
Нераскрытая твоя.

НА ЗЕМЛЕ ЛАТЫШСКОЙ

Рига

Здравствуй, Рига!

На лоно свое приняла Даугава твоя
И меня, и дыхание гор,
и степные мои края.

Красотой ли, умом ли твоим
покорен я с первого дня,—
Но живое родство с тобой
Осознал и почувствовал я.

Вся мелодией песни одной
до краев наполнена ты.

Я ходил и ходил, упоен,
созерцая твои черты.

Я не гостем себя ощущил,
мне казалось: я — старожил,
И как будто с детства гляжу
на твои дома и цветы!

И как будто в родной аул
я пришел после долгих невзгод,
Пронеся на своих плечах
ношу горя и непогод.

Нешироких улиц твоих
широкая большая душа.

Ты, как сына, обняв меня,
обняла казахский народ!

Сколько пламенных тайн сохранить
было тебе суждено!..

Сколько дайн* прозвучало здесь!
Ими сердце твое полно.
Увидел я кругом следы
величавых твоих веков,
И услышал я твой орган,
о котором слыхал давно.
Понял я, что твои дела
с каждым годом идут на лад.
Залечила ты раны войны
и прекрасней стала стократ.
Дружелюбны твои глаза,
и с восторгом гляжу вокруг:
Ты подобно Алма-Ате —
замечательный город-сад!
Здравствуй, Рига! Глядеть на тебя
без волнения не могу!
Белокрылым соколом ты
приютилась на берегу.
И преданья твои звучат
как орган, как морской прибой.
Образ твой до скончания дней
я в душе своей сберегу!

У могилы Райниса

Знал ли ты, что твой пламенный стих
Все земные края обоймет,
И его на наречьях своих
повторят за народом народ?

* Дайн — народная песня.

В годы бурь и неслыханных гроз,
Что от молний зажгли твой огонь,
Знал ли ты,
 что казах, сын степей,
К твоему изголовью придет!..

За свободу сражаясь тогда,
 ни в изгнанье, от всех вдалеке,
Ни под сводами царской тюрьмы,
 ни со знаменем красным в руке,—

Нет, не знал ты, что где-то в степи,
Как Абая, пропели тебя
Молодые певцы наизусть
 на безвестном тебе языке!

Но ты знал, что приходит конец
Миру тех, кто замучил народ,
И разил ты их словом своим,
 не боясь налетевших невзгод.
Был твой стих, как сверкающий меч,
Рассекающий грозную тьму.
Был твой стих, словно голос трубы,
Что сражаться за правду зовет.

Был твой стих, словно знамя для всех
Угнетенных, разгневанных масс.
Будоражила сила твоя
«основной»* пробудившийся класс.

* Так Райнис называл рабочий класс.

Поднимала она на борьбу
и звала на решающий бой,
И с народом ты был заодно,
когда грянула сражения час.

Ты, отдав свое сердце другим,
не боялся уже ничего,
И бесстрашно, как беркут степной,
было слово стиха твоего:
«Если солнце на свете одно
и согрело всю землю оно —
Да построят трудящийся люд
новый мир для себя самого!»

О, как мало на долю твою
выпадало безоблачных дней,
Сколько было смятения в душе,
сколько мужества вижу я в ней!
О надеждах твоих говорят,
вдохновлявших на праведный бой,
Этот памятник в ярких цветах,
что стоит на могиле твоей.

Знал ли ты,
о великий поэт,
Уводя свое время вперед,
Что веками твой пламенный стих
в благодарных сердцах не умрет?

Что в грядущем акын молодой
Склонит голову перед тобой?
Знал ли ты, что казах, сын степей,
К твоему иконостасу придет!..

Стоя на набережной Даугавы

Сколько ты мыслей питала,
о прожитом говоря,
Скольким друзьям помогала,
музыку сердцу даря!
Под снеговым одеялом
дышишь ты северной мглой,
Сладок твой сон, Даугава,
в бледной тиши января!..
Ты — словно зимняя туча,
что до поры прилегла
На каменистую землю,
снежно и льдисто бела...
Что в твоей глуби таится,
что тебе снится, река?
Бег твой сковать эта стужа
только на время смогла.
Но в своих тяжких оковах
ты непокорна зиме,
Ты закипаешь и дышишь
даже в холодной тюрьме.
Что бы ты мне рассказала,
если б могла говорить,
Грозные тайны поведать,
скрытые в каменной тьме?
Помнишь, как вздыбилось время,
в черные трубы трубя,
Как бушевали пожары,
жизни людские губя?
И чтоб спасти твои воды,
светлые, как небосвод,
Братья мои закрывали
,, собственным телом тебя!

Праздник дружбы

Был яркий зимний день,
трешил мороз крутой...

Мы, к сожалению, малость опоздали,
Но все же с непокрытой головой
Ребята нас у входа в школу ждали.
А снег сверкал, кругом — белым-белом...
Юнцы и девочки стояли терпеливо,
Но вдруг рванулись к нам,

и стало так тепло

От шумного неожданного порыва!
И вот уже в объятиях у нас
И пестрые цветы и головы ребячи.
Как волновались мы на этот раз,
Хотя никто гостей здесь не встречал иначе!..

Язык единый

дружба вмиг нашла,
Мне не забыть минуты той чудесной,
Когда Джамбула девочка прошла
И мальчуган запел степную нашу песню!
На берегу окаменевших вод
Она была так сладко желания,
Что показался нам балтийский небосвод
Родным и близким небом Казахстана.
Мы расставляемся...

Время утекло...

Вспорхнули вы, защебетав, как птицы...
Но этой встречи доброе тепло
В сердцах друзей надолго сохранится!

ПОЭМЫ

Каждое слово весомо,
каждое слово — алмаз!..
От изумительной «Правды»
не отрываю глаз.
Строфы Султанимакхута
странныо волнуют меня.
В душу вошел почему-то
давний его рассказ.
Слышу голос далекий,—
стройно шумит ковыль
И как бы повторяет
жизни горькую быль.
В горестях тех исповинен
славный степной акын,—
День его застилала
красная злая пыль...

Этот певец могучий
знал свой тяжелый путь,
Голос его вздыхался,
словно пустыни грудь.
Бурю судьбы свирепой
одолевая стихом,
Видел он все на свете
и постигал он суть.
Пылью пред ним затянут
был кругозор степной.
Он, позабыв улады,
горечью жил одной.

Но когда в эти строфы
мыне вникаю я,
Радостное волнение
овладевает мной.

Так же правдив и честен
я, иной человек.—
Не на своем ли месте
в наш беспокойный век?
Молниями сверкают
строки моих стихов
И озаряют ярко
лет моих бурных бег.
В самое трудное время
своей родной стране
Был я чем-то полезен
в тылу и на войне.
Тем, кто не зная дружбы,
на всех глядит свысока,
Глупой и жалкой спеси
хочется сбить мне.

Эти завидуют счастью
и радости других.
Грязно их злословье,
гнусно двуличие их.
Смутно сознавая
падение свое,
Злятся они на каждого,
кто не похож на них.
Вот они, тунеядцы!
Лежа на боку,
Ставят они тебе в строку
каждую строку.

Не замечая главного
нишай, слепой душой,
Служат они недавно
всакому пустяку.

Эти себя возвысить
безудержно хотят
И урожай соседа
снять порой иоровят
Эти, на ветку счастья
перескочив тайком,
Вмиг на тебя павлинами
заносчиво глядят.
Эти же у начальства
на глазах умильно торчат
И о собственной скромности,
где надо, не умолчат.
Но, низинками жизни
веребегая в кустах,
Своего и чужого
даже не различат!..

Впрочем, свою душонку
каждый такой урод
Вряд ли укрыть сумеет,—
бдителен стал народ!
Надо таких оставить,
как мусор, позади
Нашего каравана,
уходящего вперед.
Мы таких не пропустим
в грядущие времена.
Память не сохраняет
подобные имена.

Подлые входят в силу
лишь на какой-то срок,
Дунет на тучу ветер —
и синева ясна!

Крепко я врос корнями
в недра степной земли.
С думой о днях ближайших
и о тех, что вдали,
Кончив каждое дело,
к новому я стремлюсь,
Чтобы все дети мира
счастливы быть могли.
Весь я открыт и ясен,
голос мой чист и прост,
Я набираю силу,
я встаю во весь рост,
Я хочу, чтобы песня
взмыла над высью гор
И проложила к звездам
радуги яркий мост!

Вы догадались, верно,
читатели мои:
Я — это значит каждый
член огромной семьи.
Я — это мы, кровинки
Родины своей,
Огненные капли
мощной живой струи.
Я — это сила сердца,
это — правда ума,
Лето, перед которым
тушуется зима.

Я — это наше главное —
Трудящийся Человек!
Мне дала это знание
Родина сама!

Хочется, чтоб спокойным
и мудрым был каждый шаг.
Я — сосед для соседа,
а для врага я — враг.
Не ошибусь я сердцем
и распознаю тех,
Кто предает отчизну
ради собственных благ.
Ведь безразлично кто я —
ученый или поэт,
Я человек советский,
сын высочайших лет.
Вот почему так твердо
и с гордостью такой
Я проносил под пулями
неутасимый свет.

Но, враждя с врагами,
в слабостях друзей
Я копаться не стану
с настойчивостью всей.
Чем я мягче и тише
с отставшими слегка,
Тем на ушедших в сторону
гнев мой будет сильней.
Не пропадет мое имя
в летописи времен.
Нынче жаркое лето
заполнило небосклон,

Нынче самое время
выращивать плоды,
Нынче самое время
слушать созвездий звон!

Я и поэт, и ученый,
и рабочий простой,
В сердце несущий пламя,
как сгусток золотой.
Я — частица народа,
познавшего свой путь.
Радость моя — движенье,
горесть моя — покой.
Все мне сейчас доступно,
настежь открыта мне
Солнечная дорога
к далям и вышине.
То не мираж чудесный,
не благодатный сон,—
Я грядущее вижу
явственно вполне!

Жизнь моя — уважение
к людям и к труду.
Встретив корыстолюбца,
мимо него пройду.
Видя чужую радость,
радуюсь и я,
Сразу бегу на помощь,
видя чужую беду.
Всем, кто чисты душою,
душу свою отворю.
Всем строителям счастья
свой салем говорю.

Сердце мое от боли
в отчаянье не впадет,—
За глубочайшей ночью
видят оно зарю.

Жизнь моя — сев и жатва
добрых и нужных дел.
От своего тщеславья
избавиться я сумел,
И не делю земляков я
на хороших и дурных:
Белый хоть в чем-то черен,
черный — хоть в чем-то бел.
Тех считаю врагами,
кто Родине враги,
Кто сознательно хочет
замедлить ее шаги.
Я без нее немыслим,
с нею неразлучим.
Думы о ней — как факел,
когда не видно ни зги.

Не порываюсь к славе,
не добываю почест.
Я свои недостатки
 знаю наперечет.
Их никогда не причу
от мнения других —
Пусть устранит помогут
каждый мой недочет.
День мой подобен веку,
каждый мой час таков,
Что в себя он вмещает
все чудеса веков.

Сад наш оберегая,
трудимся и поем,
Юностью наделяя
даже стариков.

Я как бы средоточие
нового бытия,
Новых страниц истории
автор бесспорный — я.
Шар земной опоясав
лентами орбит,
В космос уходит запросто
степная тропа моя.
Но в то же время дорога
моя, как правда, прямая.
Солнце над ней сияет,
чтоб отступала тьма.
Жизнь моя похожа
на вдохновенный стих,
Жизнь мою написала
Родина сама.

Вот почему я беркутом
парю в синеве степной,
Вот почему хозяин я
своей судьбы земной,
Вот почему бесстрашие
свойственно мне во всем.
Ведь куда ни шагну я —
Родина со мной!
Этою мелодией
торжественной полна
Жизнь моя до края
и до самого дна.

Красное знамя Ленина
взнес я на снежный пик,
И, как зари, горит оно,
мечты времен!

Я — только лемех плуга,
лемех идей стальной,
Празднующий полстолетия
победы над целиной.
Ныне почвы бесплодной
даже в помине нет,
Вспахан и засеян
мною весь шар земной!
Здесь, в краю моем добром,
наливается урожай.
Мы сильны небывало —
кто нам ни угрожай.
Сыну великой Партии
по сердцу слова:
«В нынешний день шагай,
завтрашний воображай!»

Жизнь моя — для цветения
всей красоты земной,
Жизнь моя — для свечения
даже сквозь мрак сплошной,
Жизнь моя — враг заклятый
подлости любой,
Жизнь моя — друг вернейший
честной песни степной,
Жизнь моя — наше братство,
ведущее караван
Самой верной дорогой
к братству народов и стран.

Да, мы прошли немало
по этому пути,
Но далека дорога
в счастье всемирный стан!..

Песня Султанимакмута,
ты прозвучала мне
Грустным напоминанием
о степной старине,
Ты во мне пробудила
радость иного дня,—
Дня свободы и мира
в раскованной стране.
Пой заодно со мною
каждый, кто дружит с трудом,
Каждый, кто дружит с весною,
входящей в наш дом,
В солнечный дом коммунизма,
ныне открытый всем.
Братья, мы с вами будем
счастливы в доме том!

1

О Иртыш, не счесть мне твоих чудес,
 Не окинуть взглядом твой прибрежный лес,
 Не дотянуть плавающие в зеркале твоем
 Облака стремительные, корабли небес!..

На высокой палубе, светом опьянен,
 Я стою, как будто вышел на балкон
 Над водой стоящего белого дворца.—
 Свет необычайный, свет со всех сторон!..

Позади остался шумный город мой.
 Пусть он ждет свиданья нового со мной,
 Пусть уйдут заботы, пусть в мое лицо
 Задувает встречный ветерок шальной!

Проявляет ветер своевольный нрав,—
 С луговин примчал он пранный запах трав,
 А из рук почтенного старика в чалме
 Потинул газету, чуть не разорвав...

Настроевые ладятся, видимо, у всех.
 Смышился беседа и девичий смех.
 Вдаль, дрожа всем корпусом, мощный наш «Абай»,
 Обогнав течение, мчится без помех.

Нас несет покорно гордая река,
 Словно бы взнуздала сильная рука
 Водную стихию, что была волна
 И людей не знала долгие века.

Распахнулся надвое, привлекая взор,
Книгой удивительной краснотвольный бор,
Книгой самой древней, самой молодой,
Не вполне прочитанной нами до сих пор.

Очень близким кажется бор, такой густой,
И как бы зовет он:

«Погоди, постой!
Отдохни под сенью непроглядных крон
И вдохни поглубже тонких смол настой!»

Вот он, темнобровый, темнокудрый бор,
Он ко мне навстречу ветви распростер.
Эх, кабы мне сызнова в дебри убежать,
Расплеснуть, как в детстве, радость и задор!

Пощипать смородинки в тех родных местах,
С ребятней попрятаться в цепких тех кустах,
Увидать, как светится на траве роса
И послушать песенки наших пестрых птах.

Стайкою веселой мчались мы тогда
Сквозь неповторимые милые года,
С беззаботной смелостью забредали в падь,
Где и волка встретить можно иногда.

А сейчас, не знаю — попади я в лес,
Может, оробел бы, в чащу б не полез!..
Безоглядной храбростью каждый мальчуган
Не уступит беркуту в синеве небес.

Хочет обязательно быть батыром он!..
Помню, как мечтал я средь лесных колонн,
Словно полководец, принимал парад
Сосен, осененных зеленью знамен.

И таким же мальчиком я смотрю сейчас
На войска, глядящие тысячами глаз,
На боры, которые, стоя с двух сторон,
Словно рады выполнить мой любой приказ!..

Все дары раскинула щедрая земля,
Благодать безмерную каждому суля.
Чайка машет издали солнечным крылом
Населению белого дома-корабля.

Но у вольной чайки тоже есть предел:
У нее по горло неотложных дел,
Ей нужна добыча, жизнь ее — борьба...
Тот лишь побеждает, кто силен и смел.

Шепчет мысль коварная:
«Странствовать? — К чему?..
Некуда стремиться сердцу твоему!
Счастье близко, рядом, —
далее не стремись,
От мечтаний не было проку никому!»

Но с собой немедленно я вступаю в спор.
Да, как эта птица, ветру вперекор
Должен я рвануться, чтоб к своей мечте
Вознести в огромный солнечный простор!

2

Сколько тут народу!
Пароход велик!..
Многие с собою понабрали книг,
Так уткнулись носом в толстые тома,
Что читальней палуба кажется на миг!

Я брошу по палубе,
жаль, знакомых нет!..
Хочется найти мне искренний ответ
На мое волненье, на порыв души,
На воспоминания давних милых лет...

Но мое внимание в этот миг привлек
Человек на юте.

Грустен, одинок,
Он стоит поодаль, в думы погружен;
Сединою ранней чуть блестит висок...

3

То ли не в новинку все вокруг ему,
То ли равнодушен стал он ко всему...
В это время девушки стайкой озорной
По ближайшей лесенке поднялись к нему.

Видя не похожего чем-то на других,
Испытать желая силу чар своих,
Юные красавицы кинули словцо,
Но джигит не слушает, не глядит на них...

Он стоит и смотрит на земной простор,
И глубокой думой полон грустный взор,
Он ушел куда-то в самого себя,
И ему не нужен бойкий разговор.

Очень захотелось все узнать о нем,
О душе, как видно, тронутой огнем,
Тайною мелодией полной до краев...
Может, мы друг в друге близкое найдем?..

Он склонен ладно и хорош собой.
Видно, для такого жизни была борьбой,
Напряжением воли, яростным трудом!..
Этот не согнется пред любой судьбой!

В нем не видно легкости звонкой и пустой,
Что пленяетэтакой птичей простотой,
Вместо дружбы подлинной, панибратство нам
Навязан в компании пьяно-холостой...

Что с ним происходит?..
Может, кем-то он

Подло был обманут?
Может, оскорблён

Или обездолен?
Или как-нибудь

Невзначай, случайно преступил закон?

Вряд ли... Не похоже!..
Нет, скорей всего

На душе большое горе у него...
Если так — не надо в радостной толпе
Одного надолго оставлять сго.

Что гадать впустую!..
Подойду к нему.

Может, помогу и или хоть пойму...
Если ж не захочет говорить со мной,
Так и это будет не во вред ему!

Он со мною нехотя говорил сперва,
Но нашел я, кажется, первые слова,
Что преодолел этот холодок.
Впрочем, промолчал он, лишь кивнув едва...

Но когда услышал, что я здешний сам,
Что мальчионкой шастал по вот тем лесам,
Путник оживился и провел рукой
По своим блестящим черным волосам.

И тогда с улыбкой отозвался мне:
«Я здесь тоже плавал в ледовом члене,
Загорал часами на речном песке
И влезал на небо по косой сосне!..»

Плечи расправил он, смугл и чернобров,
Крепким станом строен и лицом суров.
Нос его точеный, узкие глаза —
Все, казалось, было в лад звучанию слов.

И не замечал я кирзовых сапог,
Мне костюм поношенный помешать не мог,
Я лишь человека видел пред собой,
Видел я джигита с головы до ног!

Скрытным он казался — лучше не пытай,
Коротко назывался именем Ертай...
Но его загадка мучала меня.
Предо мною книга, — ну-ка, прочитай!..

Гордым или резким не был он ничуть,
Но не знал, что просто может кто-нибудь
Подойти внезапно и вот так спросить —
По какой причине он пустился в путь?..

А природа словно помогала мне.
Теплый летний вечер, искры на волне
И места родные для обоих нас.
Был вознагражден я наконец вполне.

На свое участие отклик я нашел,
Потому что запросто с дружбой подошел,
И, душа на встречу отворись душой,
Наконец сказал он:
«Слушай, Аманжол!..

4

Прожил я немного...
Но хлебнул беды.
На дорогах трудных проложил следы.
Но сказать при этом все же не могу,
Что вступал я с жизнью только в испады.

Плыл я по течению меж камней и льдин,
В реку жизни вплыл я из лихих годин.
Был избит, изранен горем и нуждой,
Мать с отцом утратил, жил совсем один...

Стал я беспризорным — круглым сиротой...
Жил в забытой юрте, драной и пустой,
Обивал пороги в поисках еды...
Как я только выжил,—
не пойму порой!

Нет, не для веселья в мир явился я!..
Я не знал, что значит счастье, дом, семья...
По степи горячей вихрями гоним,
Перекати-полем уносился я.

Жаждый ветер тело высосал мое,
И в меня воинзилась, как врага копье,
Каждая колючка, и глядела ночь
Волчьими глазами на мое жилье.

Так душа,
 ушедшая от недетских мук,
 Расцвела под ласкою материнских рук,
 И меня все выше, выше, что ни год,
 Возводила к знанию лестница наук.

Каждая ступенька — шаг нелегкий ввысь,
 Но мечты заветные наконец сбылись.
 Золотою ниткою школьные года
 В ткань существования моего вплелись!

Самым лучшим другом школа стала мне,
 Что-то благодатное было в каждом дне.
 Разве без учения может человек
 Стать самим собою и созреть вполне!..

Разве без познания вникнешь думой ты
 В тайны мироздания, в звезды и в цветы?
 Разве человечество до конца поймешь
 И ему поможешь воплотить мечты?..

Как родник в пустыне, знаний ключ поил
 Жаждущую душу,
 прибавлял мне сил.

Каждый класс был вехой на пути моем,
 Каждый класс в дороге перевалом был.

Я учился рьяно,
 не был рядовым,
 Отличался памятью и умом живым.
 Иногда завистники досаждали мне,
 Но, конечно, спуску не давал я им.

Пением и пляской увлекался я,
Не прощали этого ложные друзья,
Голоса и слуха не было у них,
И они шипели, злобу затая.

Хоть мои способности помогали мне,
Хоть в ученье с лучшими шел я наравне
И в успехах часто многих обгонял,
Но порой метался где-то в стороне.

Я несправедливости не терпел ни в чем
И всегда товарищей ощущал плачом...
Но с одним учителем не ужился я,—
Все тогда мне,
помнится, было напочем!

Ох, учитель этот!
Как он был неправ!..
Тут и проявился мой горячий нрав:
Я сцепился измертво с недругом своим,
Дисциплину школьную малость подорвав.

Был ли он с дипломом — неизвестно мне,
Но его невежество понял я вполне.
Всех считая глупыми,
сам он был глупцом,
Придираясь к каждой маленькой вине.

Объясня, голову он морочил нам,
Истину замешивал с чушью пополам,
Без конца он требовал,
нас таскал к доске,
Но в предмете плохо разбирался сам...

То он математику нам преподавал,
То учил историю,— словом, не зевал:
Деньги заколачивал, набивал часы,
Но за это знаний вовсе не давал.

Липнул он к девчонкам, на уроках он
Подходил, оглядывал их со всех сторон,
Ставил им отметки лишь за внешность их,
Чувству справедливости нанося урон.

Без конца мытаря свой злосчастный класс,
Вовсе не успехов он хотел подчас,
Этот самозванный горе-педагог
Только дисциплины требовал от нас.

Восставал я против подлости его
Всю чистотою сердца своего,
Нрав мой стал острее битого стекла,
Я уж не боялся больше ничего.

Он хотел из школы исключить меня,
Без хорошей взбучки не было и дня!..
«Берегись, мальчишка!»— говорил он мне,
Каждый раз из класса в коридор гоня.

Слово «справедливость» раз и навсегда
Понял я, наверно, именно тогда,
Понял, защищая правоту свою,
Что его нападки — вовсе не беда.

Мне сказал директор, мудрый, как отец:
«А ведь ты, парнишка, просто молодец!
Этого пройдоху разглядеть сумел,
От него избавиться сможем наконец!..»

Я в долгу навечно перед этим днем,
Сердце не забудет никогда о нем,
Слово «справедливость» светлым родником
Сделалось отныне на пути моем.

6

Детство остается навсегда для нас
Чем-то очень нужным в самый трудный час.
В утомленной памяти светится оно
Огоньком, который никогда не гас.

Мы плывем все дальше по большой реке
В океан, который где-то вдалеке,
Но всегда и всюду видим свой исток
В неразлучном с нами ясном огоньке.

Помню я и нынче, как впервые тогда
Понял с удивлением, что вошел в года.
Получив желанный школьный аттестат,
Счастливо шагнул я на тропу труда.

Полный благодарности к людям и судьбе,
Взял я человечность в спутники себе
И пошел раздольным жизненным путем,
Ведшим от подножий солов Бестове...

Так с родной школой распростился я,
Что была мне домом, где друзей семья,
Найденная мною после горьких дней,
В добрые объятия проникла меня.

Десять лет ученья — это была пролог
К необыкновенной драме с множеством тревог,

С гневом и восторгом,
с радостью борьбы,
Без которой шагу сделать я не мог.

Перекати-полем начинал я путь...
Завывала выюга, ледяня мне грудь...
Мог я, как ягненок, убежавший в степь,
Глупо и бесследно сгинуть где-нибудь.

Степь!..

Она губила и она спасла,
Мне утерла слезы, счастье принесла,
После долгой стужи расцвела вокруг
И дары вручила щедро, без числа!..

Эта степь,

игравшая столько лет мальцом,
Волю закалила, сделала бойцом,
Принесла невзгоды,
но зато меня
Приучила накрепко к ним стоять лицом.

Мне она дороже, чем сундук с добром,
С расписными тканями, с древним серебром!..
К ней любовь повсюду я с собой ношу,
И не передать ее речью иль пером!..

Часто от усталости я не чуял ног,
Каждую травиночку я душой берег,
И порою ухом к почве приникал,
Словно стук огромного сердца слышать мог!..

Проносился ветер, травы шевеля...
Слышал я зовущий шорох ковыля,

И с народом вместе страшно и жалко,
Чтобы полной мерой родила земля.

Но понял, что мало этого жалеть.
Что образование надо продолжать,
Порешил уехать в Алма-Ату,
Накренко задумав агрономом стать».

1

Он умолк на время и висок потер,
Словно мыслей новых разжигал костер.
И, чтоб убедиться,— слушаю ли его,—
На меня при этом кинул белый взор...

Звуки чьей-то песни отвлекали нас,
Но душевно сблизились мы за этот час,
Будто жили вместе много-много дней...
Как мне был понятен весь его рассказ!

Хоть, наверно, в мыслях собеседник мой
Был порой далеко, говоря со мной.
Но лицо Ертая и глаза его —
Все как бы дышало правдой самой.

Этот не польстится на легчайший путь,
Прел судьбой навряд ли станет шею гнуть!
Этот по натуре — подлинный батыр,
Что кависточу буре открывает грудь.

Но еще какая-то тайна в нем была,
Что меня невольно все сильней влекла...
И загадка эта приоткрыться мне
Лишь в конце беседы, видимо, могла.

Солнце догорало на речной волне,
Песня замирала в ясной вышине,
И Ертай, задумчиво слушавший ее,
Свой рассказ продолжил, интересный мне.

Как-то посветел он, видно, подходя
К самой сути дела,
и опять следя
За его словами,—
к ним тянулся я,
Как листок навстречу капелькам дождя.

«Не было сомнений:
Не идти не мог
Я одной-единственной изо всех дорог,
И она вела меня в городе большом
К Сельхозинституту, на его порог.

С гордостью и радостью погрузился я
В этот мир студентов,
где вокруг — друзья.
Нет ее богаче — и беднее нет —
Этой вольной жизни, что забыть нельзя!

Все, что там я видел, слышал и читал,—
Общий смысл имело.
Сам я возмужал,
И безмерно дороги стали навсегда
Мне аудитория и читальный зал.

Знаниями щедро мы делились там,
Словно в общежитии хлебом пополам.
И... меняли часто лишь воротнички,
Что рубашки свежие заменили нам.

Нес нам что-то важное каждый день и час.
Крепко жизнь любила мы,
жизнь — любила нас.
Этой жизнью счастливо полнилась душа.
И порыв мой к знанию никогда не гас.

Не всегда обедать доводилось нам...
Эта жизнь студента —
понимаешь сам —
Безматерно-легкой не всегда была,
Иногда учились мы с горем пополам.

Иногда «слетало» — мне ли одному —
За побеги с лекций, бывших «ни к чему»...
Но когда стипендию получали мы,
Пирожать садились вопреки всему!

Каждый в этот вечер благодушным был,
Угощал приятелей, вдосталь ел и пил;
А через недельку по уши в долгах
Каждый вновь барабанялся из последних сил.

Каждый над учебником смычка коробил
И в читальном зале дотемна скисал,
От друзей-товарищей даже отдался,
Будто бы и не было с ними общих дел.

И, стремясь расходов избежать любых
По выше финансовых плачущих своих,

От знакомых девушек каждый убегал:
Угощать мороженым надо было их!..

Это все, наверное, нелегко понять:
Получил «отлично»— счастлив ты опять,
Получил стипендию — ты уже богач
И бежишь приятелей щедро угощать!..

Нечего студенту горевать-тужить!
Шутка и в заботах помогает жить,
И еще при этом надобно поспеть
В голову гудящую знания вложить!..

А потом их выложить, как товар,— лицом
Строгим педагогам.

Надо молодцом
Выдержать экзамены и другим помочь.
Надо не сдаваться.

Словом, быть борцом.

8

Это время лучшее пролетело вмиг...
Сколько в нем событий, сколько дел и книг!..
Не удержишь в памяти торопливых лет,
Даже их значение вряд ли я постиг.

Дни бывают разные, то застынет кровь,
То под ясным солнышком лед растает вновь..
Главное запомнится — в том сомненья нет,—
Разве позабудется юная любовь!

Пусть неразделенную, трудную,—
пускай!..
Но ее почаще в жизни вспоминай.

Пусть немило сердце, будто рана жгла,
Но любовь прекрасна,
Это твердо знаю!

И меня такую радостью-бедой
Унесло, как щенку, полюю водой.
Потерял я волю и не мог себе
Приказать, как надо бы:
«Берегись! Постой!»

Нет, остановиться в страсти не дано,
Охмеляет сразу крепкое вино,
Обжигает сердце, как язык огня,
Жить ли, умереть ли — станет все равно!..

Ходишь, как в тумане, бродишь сам не свой,
Беркутом взлетаешь, клонишься травой,
Спужнутым сайгаком убегаешь в степь...
Но в минуту радости —
мир взаправду твой!

Знать, и впрямь сбывается твой заветный сон...
Безмотежно всем синий небосклон,
А глядишь, он сыновья в непогодный час
Тучами затянут,
громом сотрясен.

Ты же смерчем кружишься в непроглядной мгле...
Верно, большей тайны нету на Земле.
Довелось мне к солнцу взираться в синеву,
Чтоб стереть, обутянуть и остыть в золе!..

Как всегда, пришел я в наш читальный зал,
Но, склонившись над книгой, не читал — мечтал...

И в тот миг случилось то, о чём тогда
Никому на свете я бы не рассказал.

Будто в сновиденье, девушка прошла,
Не прошла, а лебедью мимо проплыла!..
Вспыхнул я мгновенно, ярко я пылал,
А теперь, как видно, дрогорел дотла.

Никогда такого не было со мной,
Вряд ли только молодость этому виной,
Мало ли я девушек на пути встречал,
А такой не видел больше ни одной!

Сразу я румяным от смущенья стал,
Будто бы мне ветер щеки нахлестал,
Словно ослепило бедного меня,
И весь мир я видеть сразу перестал.

В первые минуты, в первые часы
Я судьбу бездумно кинул на весы,
И меня, как змеи, притянули вмиг
Чарами своими черных две косы.

Словно озаренный, понял я тогда:
Вот моя отрада, вот моя беда!..
Путь благословенный к ней привел меня,
А пути другого нету никуда!..

Был я взбудоражен в этот день сильней,
Чем в любой из прошлых самых бурных дней.
О ее-то чувствах и не думал я,
Попросту не знал я ничего о ней.

На остолбеневшего в трансе чудака
Глянув удивленно, девушка слегка

Покраснела тоже и тотчас ушла, —
А со мной осталась жгучая тоска.

С той поры о встрече часто я мечтал,
Нудные учебники нехотя листал,
Сам себя за робость без конца корил...
Но желанный случай все-таки настал.

В сердце затаял я имя:

Гулакм.

Был я зачарован, обезволен им,
Но однажды все-таки произнес его
Слабым и коснущим языком своим.

От любви не скроешься, ведь судьба сама
Жалует сокровище, нас лишив ума.
Но вступал я бодро в этот странный круг,
Где весне подобны осень и зима.

Каждый вечер стали мы вместе проводить,
По садам и улицам до поздна бродить,
И в сухом учебнике умудрились мы
Для любви ликующей пишу находить.

Радости и горести пополам дела,
Мы глядела вместе,

как рожат земля,

Как березка тонкая гнется на ветру,
Ветвями зелеными томно шевеля.

Вместе мы глядела, как цветет вокруг
По холмам предгорий розовый урюк,
И оханки ирисов набирали мы,
Выехав за город на цветущий луг.

Не была помехой непогода нам,
Слитым воедино, жарко двум сердцам,
Даже и под ливнем, даже на ветру,
Что со снежных высей веет по утрам.

Думая о радостях завтрашнего дня,
Даже в одиночестве улыбался я,
И на целом свете не было тогда
Никого счастливей и глупей меня.

Так мы проводили время с Гулаим,
И уже казалось всем — и нам самим,
Что не доведется жить на свете вресь,
Что торить дорогу надобно двоим!..

Так четыре года жгла любовь меня
Этими глазами, полными огня,
Жаркими лучами черных звезд своих
И вечерней песней, что томит звения.

И теплел мгновенно, встретив этот взор,
Леденящий ветер, прилетевший с гор.
Сбрасывая серый облачный покров,
Улыбалось небо, распахнув простор.

Жизнь, ты пролила нам в грудь свои лучи,
И живые чувства были горячи.
Все казалось дивным, быстролетным сном
То под синим небом, то в седой夜里...

Многие избранниц по сердцу нашли,
Уж иные гнезда свили, как могли...
Вправду ль посчастливилось наконец и мне?!.
Так четыре года для меня прошли».

Ветер взмыкал волосы,
и вздохнул Ертай.

Эх ты, ветер, ветер!..
Ну-ка, пролетай!

Ты ведь не умешь ни тоски унять,
Ни воспоминаний, бьющих через край!..

Не хотел я душу бередить ему,
Только не терпелось, видно, самому
Выплеснуть Ертаю боль-тоску свою
С трудными словами все равно кому...

«Счастье улетело!—
— вдруг промолвил он.
— Миновали бесследно мой блаженный сон,
Про него мне недачем даже вспоминать,
Как про дождь, который степью поглощен!..

Миновали лживые сладостные дни,
Обернулись правдой горькою они.
Если сам ты искренен, и горяч, и смел —
Чтоб себя увидеть, на людей взгляни!

Ты увидаишь ясные лица пред собой,
И к тебе с улыбкой подойдет любой.
Ты легко и твердо за порог шагнешь
На свою дорогу, ставшую судьбой.

Солнечная молодость дарит людям смех,
Сам собой проходит каждый твой успех,
И не замечаешь простоты свой,
Но душой распахнут настежь ты для всех!..

Это лицу юности красят и хранят.
Если пылкий червь в небе заскакивает,
Вони осенят жутком, белесом туман
И глазам откроется голубой земля.

Но ведь правда горькая в том и счастлив,
Что в сетях обмана ум наш сядет спать.
Не сумел ты вовремя вырваться из них,—
Пропадай впустую, погибай, джинн!

Так вот зареком был я Гулани,
Охладившей сердце жаждущим морем
И, как оказалось, поганое гад.
Только лишь играющей бесконечной же?

Инстагут окончил, закрутил рука,
Я каторожился,— ведь земля земля.
Гулани, хоть что обещала моя,
В мой мул уехать сразу же споткай.

У него в ванне не чисты призраки!—
Я дум, к сожалению, долго ждать не смог
И всевому поверил: ведь в земле моей
Не было сомнений, не было троек.

Мой злостный замысел был всегда со мной.
Мне привыкнулся тайный мир степей.
В колесе ворочавшемся неотодвигных дверей
Ходостой минуты нету ни единой!..

Трудный попадался иногда парень,
И к работе разный был у всех подход!..
Мне впервые без опыта жалко пришлось,
Всёвало в тот начальный год...

Но когда ты предал всей душой труду,
Только звалил он, отведет беду
И не ляст в обиду никому тебя,
Что бы ни имела подруги в виду.

А таких немало у меня нашлось,
Каждый мой поступок сразу воринь да вхось
Толковавших злобно, знать, задетых мной
Там, где разя дела ссориться пришлось.

Ведь порой встречается человек такой,
Что любые новшества гонят прочь метлой,
Презирает знания, шутку не поймет,
И уже кидается воевать с тобой...

Началась уборка, самая страда,
Полыхает жаром наша степь тогда...
Но от ставших редкими писем Гудаим
Холодом повсюда на душу беда.

Солнечную радость быстрый мрак настиг,
Все мое спокойствие улетело вмиг.
Сердцем
непосильную ношу поднял я...
Что любовь — страдание
в первый раз постиг.

Целый год с души моей не спадала мгла.
Ведь гнездо в груди моей накрепко свила
Подлинная преданность, давняя мечта...
Наконец взял отпуск я, отложив дела.

Надо было выснить все начистоту,
И тогда направился я в Алма-Ату...

Разом весть жестокая встретила меня,
Закогтила,
вырвала сердце на лету.

Нет, не зря предчувствием был я так томим,
Что по-настоящему больше не любим!..
Встретилась знакомая и сказала мне:
— Замуж за профессора вышла Гулайм.

— Как же так?!

смятению я себя спросил.

Весть меня лишила мужества и сил,
И меня холодная пронизала дрожь,
Словно дождь осенний сразу промочил.

Но потом я в руки взял себя тотчас:
Ежели не вышло ничего у нас,
Так и выйти,
стало быть, не могло никак,—
Все теперь я вижу ясно, без прикрас!

Разве я ей пара?

Разве ей такой

Нужен муж?..

Нужны ей деньги да покой!..
От подобных мыслей стало легче вдруг,
Все недоумения — как сняло рукой.

Как я снес обиду — непонятно мне!..
Гулайм порою видел я во сне,
Но звездой падучей первая любовь
Без следа егорела в темной вышине.

Наклонил он голову и промолк опять,
Словно сам пытался заново понять
Все, что рассказал мне про поступок той,
Кто теперь зовется «женщиной» и «матерью»...

Что ж, есть и такие!—
Пусть не много их,
Но они влияют как-то на других,
Замуж по расчету бойко выходя
Ради побрякушек, туфель дорогих...

Знать, цена всех этих благ не столь мала,
Коль за них Ертаэм так пренебрегая.
Да зато самой-то какова исна,
Если разобраться в жизни не смогла!

Чунь боль джигита,
сам Иртыш седой
Проблеснула сердито сизою водой,
Но свои морщины вновь разгладил он,—
Что ему людинки с жалкой их бедой!..

А тайга, разрезана надвое рекой,
Как любовь, разбитая горем и тоской,
Вольно распахнулась, открывая путь
К жизни настоящей,
подлинно людской.

Солнце, мудрым взором поглядев на нас,
Медленно склонилось...
Но закат не гас.

Огненные блики в зеркале речном
Шелком проскальви в этот тихий час.

Но самозабвенно уносясь вперед,
Весь дрожал от радости белый пароход.
А боры тянулись золотой стеной,
И над нею высился алый небосвод.

Чуть похолодало и, наморщив гладь,
Ветерок вечерний загулял опять.
Как хорош, как сказочно величав Иртыш,
Красоты подобной в мире не сыскать!

Я промолвил спутнику:
«Не печалься, друг!

Лучше повнимательней погляди вокруг.
Сгинет неотвязная, дремлющая боль,
Как рукою снимется гложущий недуг!..»

«Нет! — сказал он тихо, — нет, я не грущу,
На судьбу ненастную хмуро не ропшу,
Только много думаю и спокойно жду,
И в труде любимом сам себя ишу.

Кто бы мог подумать, что проблещет зря
Молодости ранней первая заря.
Но не стоит мучаться оттого, что раз
Обманула девушка, проще говоря.

Извини, что снова я помянул о ней.
Сказано достаточно!..

И немало дней
Сыщется для завтрашней, подлинной, любви.
Нет, меня тревожит дело поважней!..

На девичьи прелести я глаза закрыл.
Годы прибавляются.

Но хватает сил

Для большой работы, для борьбы, для дум.
Счастье не приближится, сколько бы ни грустил!

Я труда отвёз —

это лучший плод.

И в степи встречал я солнечный восход.
Но забот по горло было у меня,—
Ведь в степи покоя нету круглый год.

Коль не смыслишь радости, таk твои вина.
Ведь у землемира доли лишь одна:
Вечная забота о земле своей,
Чтобы не пропало и мешка зерна!..

Только эту долю крепко я люблю.
Беды и тревоги все перетерплю.
Степь сторкией людям воззает за труд.
Плыть по ней комбайну, будто кораблю!

Сыновья пашницией захрома полны.
Но ведь к урожаю мы идем с весны.
Вправду, что посеешь, то ведь и пожнешь;
Нужно здесь умение, знания нужны!

Что бы ни случилось от лягих годин,
Ты за все в ответе,
всюду ты один!..

А начальник спросит прежде всех с тебя,
Он и знать не хочет никаких причин.

Этот год особенно беспокойным был.
Дождь пройти над степью, видно, позабыл.
Как в сухую почву нам кидать зерно?
Каждый как потерянный по степи бродил...

Но дождя напрасно ждало все вокруг,
Все живое словно истомил недуг.
И пришлось нам сеять в самую сухмень,
В борозды, что еле процарапал плуг.

Ничего наука сделать не могла,
Засуха все пуще степь живую жгла.
Нежные побеги гибли на корню,
И посев, казалось, выгорит дотла.

Сетованья наши — будто слабый стон.
Даже и подсолнух зионем опален!..
Жалок желтоватый чахлый стебелек,
Больше пальца ростом не потянет он.

Дул неумолимо суховей степной,
С неба не упало капли ни одной,
А куда ни глянешь, только и видны
Перекати-поле да ковыль сплошной...

Облака над нами молча пронеслись,
И опять разверзлась огненная высь...
Белым ливнем солнца выжженная степь...
Никакой надежды, прямо хоть молись!

Хлеб не уродился в тот злосчастный год.
Чем кормить мы будем и людей и скот?!.
Не могу и выразить — как болел душой
Я за степь родную и за мой народ!

Я не спал ночами, голову ломал —
Как помочь в несчастье,— хоть и понимал,
Что беду такую не преодолеть.
Результат раздумий был ничтожно мал...

И, изверно, тоже не в ладах со сном,
Наш директор мудрый думал об одном:
Как перед начальством обелить себя?
Кто во всем виновен?

Ясно — агроном!

А уж если надо, чтоб была вина,
Так мешок насыплют разом дополня,
И того прибавят, что и невдогад,
Что уж как ни крепок — затрешит спина!..

Мигом потеряешь ты доверье тех,
Кто хвалил излишне каждый твой успех.
А кого посмел ты в чем-либо задеть,
Вмиг тебе припомнят самый малый грех.

Все мои «пропинности» тщательно собрав,
Проникл директор непреклонный нрав
И меня с работы так умело снял,
Что и не докажешь, кто на деле прав.

Но ведь я-то знаю правоту свою
И люблю товарищей трудную семью.
Знаю — очернили ни за что меня
И вину «пришили» неизвестно чью.

Нет, я не уехал.
Я остался там,
Я себя в обиду попусту не дам,
Верю в справедливость неизменно я,—
Пусть она приходит с горем пополам!..

Если я уничтен волей злых людей —
Разве я не нужен Родине моей,

Разве труд, и знания, и любовь моя —
Не должны, не могут пригодиться ей?!

Пусть простой учетчик там, в ауле, я,
Пусть мне карьеристы не дают житья,
Если в самом деле не было дождей —
Как быть урожаю?

В чём вина мои?

Если бы на деле виноват я был,
Я на первый курс бы снова поступил.
Нет, я невиновен!

Еду в город я —
Добиваться правды, не жалея сил!..»

二四

Он расправил плечи, улыбнулся мне,
И тогда я понял суть его вполне,—
Понял эту стойкость,
что в беде любой
Делается только жизненней вдвойне.

Эта жизнь джигита —
не простой поток,
Что его, покорного, за собой увлек;
Он ведь понимает, что нужна борьба,
Что и неудача — не какой-то рок.

Сколько испытаний одному ему
Выпало на долю!..

Трудно самому
Осознать Ертаю, как он чист и прав,
Доверяясь только сердцу своему!

С ним прощалась дружески, крепко и пожал
Руку человека, что всегда держал
Голову высоко.

Написать о нем
Дал себе в слово —
и его сдержал.

Приношу поэму в дар тебе, Ертай.
О грядущей жизни счастливо мечтай.
Козни карьеристов и бумажный сор
Со своей дороги яростно сметай!

С кривлою враждую, правдою дыша,
Мудрость и терпенье обрела душа.
Ясного, могучего, как отец-Иртыш,
Вижу я батыра,—

сына Иртыша!

ЭПИЛОГ

Минуло три года.

Вырос город мой.
Он любезен сердцу летом и зимой.
Но весна особенно чем-то мне мила.
С улицы не хочется уходить домой.

Как цветет сегодня этот парк вокруг!..
В нем алма-атинцы, проводя досуг,
Слышат зов природы:

«Выбери цветок!
Все цветы на свете — для тебя, мой друг!»

Девушек прелестных блещет красота.
И они зовутся, видно, испиртством.

Странными цветами:
«Чинигуль», «Айгуль»!..^{*}
Их пиши, художник, не жалей холста!

Здесь — твоя держава, здесь ты не чужой!
Забредя весною в этот парк большой,
Увидав цветенье жизни молодой,
Сам ты расцветаешь телом и душой.

Я как будто снова пью кумыс хмельной,
К сердцу вдохновенье хлынуло волной!..
Но лицо знакомое вижу я в толпе,
Человек подходит, вот он предо мной.

Поживее память всю перелистай,
В прожитые годы ласточкой слетай!..
Он стоит, с улыбкой глядя на меня,
Протянул мне руки...

— Узнаешь? —
Ертай!

Изменился мало —
новый лишь костюм.
На лице сердечность и природный ум.
Пополнел немного, раздался в плечах,
И, видать, избавился от печальных дум.

Орденская лента украшает грудь,
Человек он знатный, не какой-нибудь!..
Я залюбовался:
Как хорош джигит!
А ведь был нелегок им пройденный путь...

* Женские имена: фарфоровый цветок, лунный цветок.

Как он эти годы миновал — бог весть!..
Но немедля выложил сам он все, как есть:
Это справедливость помогла тогда
И ему вернула дорогую честь!

Дело ведь попало на партийный суд.
За него вступился и рабочий люд.
Снова агрономом прибыл он в аул
И с упорством взялся за любимый труд.

* * *

Так и подружился с сыном Иртыш,
И поньне наша дружба хороша!..
И тебя, читатель, изволновать хочу,
Обо всем стихами рассказать спеша.

Я с моим героям на айтас приду.
Я с Ертасем к новому приступлю труду,—
С ним шагая об руку к новым рубежам,
На свою вершину, может быть, взойду.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

	5
Верю в мою партию	7
Моя школа	8
Есть воля к жизни	9
Моим друзьям	11
Прозрачность	12
Я говорю ей: «Да!»	13
День летящий	14
До краев мое сердце полно	15
О, этот праздник летний!	16
Давай нарвем смородины	18
Но всей душой к тебе лечу	19
Дума об отце	21
Ты каждый день свое тепло мне даришь	23
Озера Кургальджино	24
Сосновый бор	25
Огонек лесничего	27
Наверно, сам я виноват	29
Пусть детский смех не умолкает	31
Туча	32
Будь начеку	33
Вера	34
Город любви	36
Пойми	37
Ответ одного редактора	38
Хороша твоя песня	39
Там, где родился Абай	41
Мечта о будущем	43
Солнце подземное	46
Буря	47
Караван	48
Погоня	49
Старый тополь	50
Я скучал по тебе, Иртыш	52
Мой клад бесценный	53
Я не наслушаюсь его	53

Наше солнечко	54
Будь такой	55
Альбом	56
Для родичка	57
Самое заметное	58
Такой номер авт.	59
Лунная ночь	60
Твоя задача	61
Тайна девушки	62
Ручей	63
На земле латышской	64
Рита	64
У могилы Райниса	65
Сток на набережной Даугавы	68
Праздник дружбы	69

Поэмы

Моя жертва	73
Сын Иргаша	83

Шамкенов Аманжол.
ЛИРИКА. Стихи и поэмы.
Пер. Ю. Александрова. Алма-
Ата, «Жазушы», 1967.
120 с.

Редактор Н. Умеров
Художник Х. Рахимбеков
Худож. редактор Н. Исабага
Технич. редактор П. Вальчук
Корректор М. Кац

Сдано в производство 1/Х 1967 г.
Издат. № 261. Подписано к печати
31/Х-1967 г. Бумага тиш. № 2.
 $70 \times 108^{\circ}/42 = 3,75$ п. л.—5,25 усл. п. л.
(Уч.-изд. 3,86 л.) Тираж 7000 экз.
Цена 49 коп.

Заказ № 743. Типография № 2
Главполиграфпрома Госкомитета
Совета Министров Казахской ССР
по печати, г. Алма-Ата,
ул. К. Маркса, 63.